

Владимир Михановский

Великий посев

Владимир Наумович Михановский

Великий посев

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=275362

Аннотация

Внеземная могущественная цивилизация в течение долгого времени занимается тем, что занимается улучшением экологии далеких планет во вселенной. Она рассылает по обнаруженным координатам этих планет космические корабли с контейнерами. В каждом в состоянии анабиоза содержится множество «зерен».

Каждое такое «зерно» представляет собой в миниатюре сложное сооружение, нечто вроде микрокомпьютера. Он лишен способности к передвижению, зато представляет собой мощный интеллект, далеко превосходящий по уровню любой земной.

Попав на чужую почву, «зерно» способно создавать растения, которые в свою очередь могут развиваться и самосовершенствоваться, представляя собой по сути некое единое семейство, объединенное сложной корневой системой. Созданием таких растений, однако, функция «зерна» не исчерпывается. Осваивая новую планету, оно накапливает нужную информацию.

Сталкиваясь в этом процессе с новыми задачами, зерно, как рисует повесть, решает их способами, для землян неведомыми.

С одним из таких космических кораблей, который – после соответствующей разведки – направляется в солнечную систему, происходит катастрофа: штурман прокладывает курс слишком близко к Солнцу. С поверхности материнского светила неожиданно вырывается слишком сильный протуберанец, который задевает корабль.

Корабль взрывается, гибнет и его содержимое. Остается только одно-единственное «зерно», которое и попадает на Землю, где с ним происходят разные необыкновенные приключения.

«Зерно» попадает на пустынную поверхность, покрытую толстым слоем раскаленного песка. Повинуясь собственной программе, оно прежде всего приступает к улучшению экологии пустыни.

В этот момент в сферу деятельности «зерна» попадают люди, и разворачиваются интересные события, связанные с взаимодействием человека с проявлением необычного разума.

Опыт заканчивается трагическим финалом.

Владимир Михановский

Великий посев

Зерен не мог бы точно назвать момент времени, когда снова – впервые после катастрофы с кораблем и падения – включилось его сознание. Словно яркая вспышка озарила его, после чего нахлынули ощущения. Ощущения были знакомы: сколько раз уже приходилось переживать их, но всякий раз по-особому. Происходило это по двум причинам. Во-первых, на каждой планете свои природные условия, свои раздражители, свои соли и микро-элементы, растворенные в воде, – все это, конечно, воздействует по-разному. Во-вторых, с каждым новым назначением все, что происходило с Зереном прежде, стиралось из памяти, оставляя только смутные воспоминания, дающие порой тревожное, саднящее чувство. Так морской берег, с которого схлынула волна, все еще хранит память о следах, которые смыла вода...

Влага упорно просачивалась сквозь его внешнюю оболочку, Зерен ощущал каждую молекулу ее, и тело его неудержимо разбухало, увеличиваясь в размерах. Неведомые едкие примеси в воде доставляли мучительную боль, так что Зерен временами еле сдерживался, чтобы не издать сигнал боли.

Приходилось, однако, терпеть – ведь этот процесс перед выбросом стрелки неизбежен. Потом, когда число ростков-близнецов умножится, станет полегче.

Зерен прикинул расстояние до поверхности почвы: добрый десяток сантиметров, не меньше. Это хорошо.

Невыносимо ныл обожженный при катастрофе бок, который, видимо, разъедали соли.

Чтобы отвлечься от боли, он вызвал в памяти картину гибели корабля, который вез Зерена с миллионами собратьев. Они преодолели сотни парсеков, чтобы попасть в катастрофу, и где же? – у самой цели.

Собратьям так и не удастся выполнить главную свою миссию – они погибли в адском фотонном пламени, хлынувшем из разрушенных дюз. Остался только он один, и то обожженный и оглушенный. И ему никогда уже не возвратиться на материнскую планету.

Ну что ж, он и здесь, на этой пустынной планете, которая прозябает под палящим солнцем, постарается сделать все, на что способен.

Энергию для возвращения беречь ни к чему – корабль на орбите вокруг планеты, увы, не ждет его. Значит, Зерен употребит ее на другие цели!

От последней мысли стало легко, радостно, даже обожженный бок стал меньше саднить. Решено: уж коль скоро судьба забросила его в это жуткое место, безжизненную и бескрайнюю песчаную пустыню, которую он успел разглядеть, прежде чем сила инерции вонзила его в землю, – он попытается побороться с пустыней.

Зерен один продолжит дело Великого Посева, до тех пор, пока хватит сил.

Невзрачная желтая звездочка на окраине соседней галактики была выбрана загодя как цель очередного десанта. По данным радиоастрономов, звездочка обладала планетной системой, по всей вероятности, безжизненной. Ну а если так, следовало привить на них жизнь, расселить зелень, включить в зону Великого Посева, – разве не в этом состояла главная задача тех, кто носит разум?..

Они шли сюда, как обычно, на фотонных парусах. Немало полетного времени прошло, пока неровно светящееся зернышко, неведомо кем брошенное в безбрежные поля вселенских просторов, начало набухать, как и положено зерну. Вскоре зерно сверкало в центральной части сферического экрана, перед киберкапитаном, день и ночь бессменно стоящим у пульта управления.

Вскоре пылающее солнце заняло почти весь экран. Предметы на корабле раскалились – не притронешься, хотя всюю работала система охлаждения. Члены экипажа расхаживали по отсекам, как сонные мухи, а Зерен и его братья, погруженные в анабиоз, дремали в прозрачных самораскрывающихся контейнерах, ожидая своего часа. Зерену не спалось – гипноз на этот раз не сумел одолеть его. Может быть, это его и спасло.

Зерен сквозь прозрачную оболочку контейнера наблюдал за дрожащей, вечно волнующейся поверхностью желтого светила. Это был клокочущий океан, колеблемый неведомой силой. Гигантские пузыри пламени выплывали из глубины и лопались, разбрызгивая куски лавы далеко вокруг. Зерен подумал, какой бы оглушительный грохот стоял вокруг, если бы в космосе не царил глубокий вакуум, в котором умирает, не родившись, любой звук.

Время от времени из океанских глубин беспокойной звезды вырывались огненные языки, достигая немалой высоты. Они медленно и величаво опадали, чтобы тут же взметнулись новые.

Скоро зерняне будут выброшены на поверхность безжизненной планеты и приступят к делу, которое они проводили уже многократно.

Сотни высадок на тысячах небесных тел. Свершится очередной посев, и они взлетят на магнитных подушках, и корабль возвратит их на материнскую планету, где десант будет отдыхать – до нового проекта, который определит Мозг планеты.

И сейчас, пока тело пришельца изнемогало, разбухая от подпочвенной влаги, насыщенной, как он успел уже выяснить, живительными микроэлементами, в памяти всплыла ужасная картина гибели корабля. Штурман, видно, ошибся, проложив курс слишком близко от светила.

Из огненного океана вылетел огромный протуберанец. Он рос и рос, и казалось, ему не будет конца. Казалось, его верхушка вот-вот прожжет поверхность экрана и выскочит наружу, в командный отсек. Члены экипажа, разных размеров и конфигураций, в зависимости от назначения, застыли на своих местах, словно парализованные необычным зрелищем. Все глаза, не отрываясь, смотрели на огромную сферу экрана.

Протуберанец переливался всеми цветами радуги, вершина его росла и росла, раздуваясь, словно голова удава. И вдруг, когда напряжение ожидания на корабле стало нестерпимым, голова протуберанца лопнула, взорвалась, как будто была начинена гремучей смесью, разлетевшись на мириады осколков. Один из них и угодил в фотонный парус – это хорошо было видно на обзорном экране. Парус, охваченный адским огнем, тут же вспыхнул и опал, лепестки его скукожились, пламя перебросилось на веретенообразное тело корабля, с которым был срачен капитан. Он и погиб, едва распался корпус.

Контейнеры – их было семь, по числу планет, – автоматически катапультировались. Но в окрестном пространстве носились пылающие обломки, а десантники пребывали в анабиозе и не могли проявить свою волю, чтобы спастись.

С невыразимой горечью Зерен наблюдал, как хрупкие контейнеры один за другим охватывало пламя и его собратья гибли, безвольно рассыпаясь в клубах огня и дыма. Пробудить их, быстро вызвать из анабиоза не было никакой возможности: чтобы выйти из состояния, граничащего со смертью, требовалось длительное время, а тут теперь счет велся на жалкие доли секунды.

Когда очередь дошла и до его контейнера, Зерен, как и думал, сосредоточился, представив в памяти планетную систему, которую обрисовал им Мозг перед стартом. Воображение Зерена пленила Третья планета, вокруг которой вращался естественный спутник, все время обращенный к ней одной стороной. И сейчас, пока жадное пламя пожирало прозрачную пленку контейнера, он вызвал в памяти Третью планету, почему-то окрашенную в голубой цвет.

Важно было точно определить время медитации: ведь самостоятельно пробить оболочку контейнера он, естественно, не мог. Слишком рано рванешься – упрешься в непроницаемую стенку и весь гипнозаряд пропадет. Слишком поздно это сделаешь – погибнешь в пламени вместе с сородичами, погруженными в глубокий сон.

Едва оболочка догорела до середины, Зерен сосредоточился и вылетел из полуразвалившегося контейнера, словно камешек, которым выстрелили из рогатки.

Ни мгновения не раздумывая – да на это и времени не оставалось, – Зерен ринулся в черные бездны космоса. Гибнущий корабль вскоре остался позади. Место катастрофы превратилось в безобидно тлеющий огонек, который и вовсе пропал в угольной тьме. Осталось позади и желтое мохнатое Солнце, неумоимо продолжающее выбрасывать в пространство щупальца-протуберанцы.

Зерен теперь летел прочь от него, навстречу неизвестности. И немало времени прошло, прежде чем из мрачных глубин, обжигающих его, несмотря на защитную оболочку, космическим холодом, выплыла в голубом сиянии планета, видевшаяся ему в бесчисленных грезах.

Оказалось, планета обладает мощной атмосферой. Впрочем, воздух никогда не служил для него препятствием. Пробив его тысячекилометровый слой, десантник рухнул на раскаленный песок и сумел в него вонзиться, поскольку во время падения инстинктивно держался вертикально. Этот инстинкт был выработан программой обучения десантника: зерно, прежде чем прорасти, должно внедриться в почву, на какой бы планете это ни происходило.

В воронку, которую образовала продолговатая капсула, беззвучно заструился горячий песок, сглаживая внезапно образовавшееся отверстие. Однако Зерен этого уже не видел – от удара он потерял сознание.

Они шли долго. Атагельды вообще потерял счет дням. Снова и снова прорезалась ранним утром узкая полоска на востоке, похожая на пластинку раскаленного металла, которую дед, крикнув, вытаскивал щипцами из пламени и швырял на наковальню.

Проходило короткое время, и алая полоска на горизонте начинала корчиться, меняя форму, словно под ударами невидимого молота, и над горизонтом выплывал красный солнечный шар.

Ночи в пустыне были прохладными, и дед с внуком с вечера до утра дрожали от холода. Они прижимались друг к другу, укрывались всем своим скудным тряпьем в тщетной надежде согреться. Ночью у деда особенно сильно болело надорванное сердце, и он тяжело вздыхал, стараясь не потревожить Атагельды, хотя тот и не спал.

Стоило, однако, взойти солнцу, и картина резко менялась: воздух быстро нагревался, раскалялся песок, вскоре он начинал больно обжигать босые ноги.

Невидимые струи разогретого воздуха, поднимаясь от застывших песчаных волн-барханов, искажали перспективу. И вот уже вдали начинали появляться радужные видения, иногда до жути реальные. И тогда Курбан и Атагельды невольно ускоряли шаг, чтобы поскорее достичь миража.

Как ни странно, но именно миражи больше всего измучивали путников, а не долгий нелегкий путь. Они не только забирали у путников надежду, но и рушили остатки сил, оставляя после себя холодное отчаяние. Ведь когда видение рассеивалось, стократ тяжелее давался каждый шаг.

Таяли, растворялись в расплавленном мареве пышные кроны деревьев, дающие густую тень, румяные бока сочных плодов, зеркальная поверхность чуть выпуклого водоема, на которой мельтешат солнечные зайчики, – и снова пустыня, и снова песок – куда ни кинь взгляд.

Близ крутой стены бархана Курбан приостановился, сбросил с плеч котомку.

– Опять сердце? – спросил Атагельды, глядя на его посеревшее лицо.

– Кольнуло.

– Сильно?

– Пустое, пройдет. – Курбан попытался улыбнуться и погладил жесткие курчавые волосы внука.

– Может, отойдем отсюда? – Атагельды показал на угрожающую трещину, которая, начинаясь от основания, змеилась до самой верхушки песчаного холма. – А то, глядишь, засыплет нас – и косточек не найдут.

– Не бойся, малыш. Этот бархан еще нас переживет, – произнес старый Курбан и, кряхтя, опустился на корточки. Не мог же он, в самом деле, признаться мальцу, что больше не в силах и шагу ступить?..

Успокоенный Атагельды опустился рядом. Несколько мгновений они безмолвно наблюдали, как юркая ящерица, взбежав на крохотный бугорок, бесстрашно застыла на месте, разглядывая их блестящими бусинками глаз. Но едва дед, слегка отдышавшись, заговорил, и при первых звуках его голоса ящерица, вильнув, куда-то исчезла.

– Идем уже четвертые сутки, – покачал головой старик, что-то прикинув. – А конца-края не видать...

– Четвертые сутки? – удивился мальчик. – А я думал, добрых две недели. Скажи, а мы скоро придем на место, о котором ты говорил?

– Скоро, парень, скоро. – На сей раз, запустив ладонь в его шевелюру, дед долго не отпускал руку. Он искоса бросил испытующий полный нежности взгляд на Атагельды. Ну как признаешься ему, что потерял дорогу, утратил путеводную нить в этой безотрадной пустыне?

Курбан достал из котомки флягу, взболтнул ею. Воды оставалось на донце, всего три-четыре скупых глотка, не больше. Последняя еда – сушеные финики – кончилась вчера. «Значит, здесь и суждено нам погибнуть, – с внезапным спокойствием, рожденным безнадежностью, подумал старик, окидывая взглядом пространство вокруг себя. Что ж, наугад пустыню не пересечешь... Сделав несколько глотков из фляги, мальчик лег на бок, поджал ноги, закрыл глаза от косых лучей солнца, клонящегося к закату, и задремал.

«Итак, конец, – продолжал размышлять Курбан. – Но лучше погибнуть здесь, в пустыне, вольным человеком, чем там, в городе, на кровавой плахе, под топором палача эмира».

– Дед, а за что эмир хотел отрубить тебе голову? – спросил Атагельды, внезапно открыв глаза. Ход их мыслей был настолько одинаков, что старик вздрогнул.

– Прогневал я земного владыку, – вздохнул Курбан, – своей строптивостью. Попозже расскажу тебе подробно, когда выберемся отсюда.

– Думаешь, выберемся, пересечем пустыню? – по-взрослому спросил Атагельды.

Дед промолчал.

Хотя солнце уплывало в закат, жара медлила, не отпускала.

«Скажу ему всю правду, если он и сам до сих пор не догадался», – с внезапной решимостью подумал Курбан, но посмотрел на Атагельды и осекся: тот снова задремал.

Дед откинулся спиной на стенку бархана, не думая о грозной трещине, грозящей привести в движение многие тонны песка. Глубокие морщины, изрезавшие его лицо, придавали ему сходство с корой старого дерева. Особенно много морщин сосредоточилось на лбу. Выцветшие глаза печально выглядывали из-под сросшихся бровей, он подложил котомку под локоть, чтобы не так жег песок, и погрузился мыслями в недавнее прошлое.

...Они жили на окраине города, расположенного на скрещении оживленных караванных дорог. Их мазанка приткнулась к огромному караван-сараяу, где днем и ночью былолюдно и шумно: одни приезжали, другие собирались двигаться дальше, далеко окрест раз-

носились крики погонщиков верблюдов, звон медной посуды, крики и ругань носильщиков, степенный говор пышнобородых купцов.

Кузница Курбана располагалась поодаль, у самой дороги, так что дышать приходилось пылью, поднятой бесчисленными копытами. Зато работы, слава аллаху, хватало. Подковать животину нужно всем – и богатому всаднику, гарцующему на снежно-белом арабском жеребце, и бедному дехканину, под которым еле плетется тощий верблюд. Да мало ли кому еще?..

Однажды из караван-сарая за ним прислала богатая госпожа, у которой сломалась повозка, обитая рытой китайской тканью. Она дала ему целый золотой, который старик берет как зеницу ока. Он и сейчас пощупал его в кармане – маленький кружок, нагретый от солнца. Ну и что, разве золото всесильно? Разве спасет оно их от мучительной смерти?

А однажды степенно подъехал к кузнице на замороженном коне старик с белой как лунь бородой.

Гость степенно спешился, испросив разрешения, завел коня в тень и первым делом попросил воды не для себя, а для него. Только освободив коня от поклажи, разнуздав его и задав корму, седобородый незнакомец принял из рук Курбана пиалу с ледяной водой из артезианского колодца. О, блаженные времена, когда можно было пить сколько угодно!..

Они проговорили тогда всю ночь, устроившись во дворе под дырявым навесом. Атагельды давно спал, так и не дождавшись конца их беседы.

Старик, видимо, был устатом, – знаменитым придворным поэтом, который улаживал слух эмира. Певец не потрафил ему, и владыка выгнал старца, лишив всего имущества. Об этом пришелец говорил больше намеками, но Курбан и так без труда представил себе, как вчерашний богач ходит по базару, выискивая клячу подешевле, чтобы хватило на нее горсти медных дирхемов, глухо позвякивающих в кармане.

– Жаль мне твою клячу, устат, – заметил Курбан, переведя взгляд с собеседника на редкую крышу, сквозь которую просвечивали звезды, спелые, словно гроздь бухарского винограда. – А тебя жаль еще больше: боюсь, недалеко унесет тебя конь от эмирского гнева.

– Недалеко, говоришь? – загадочно усмехнулся седобородый. – Вот и видно, сынок, что у тебя нет поэтического воображения. (Он так и сказал – «сынок», хотя они, вероятнее всего, были почти одного возраста.)

– Да зачем мне оно, воображение? – удивился Курбан и посмотрел на смутный силуэт коня, дремлющего у перевязи. – Наверно, не одна тысяча коней прошла через мою кузню. И я, поверь, неплохо научился разбираться в их статях.

– Тебе это только кажется. – Гость погладил бороду.

– А что до воображения, то знай: только оно способно дать человеку крылья.

– Ну, воображай не воображай, а конь твой – замороженная кляча, и не более того, – упрямо возразил Курбан. – И боюсь, он падет на первой версте, едва ты покинешь город.

– И опять ты не прав, почтенный, – произнес седобородый, и глаза его весело и как-то по-молодому блеснули. – Ежели ты такой знаток, то разве не видишь, что это животное благороднейших арабских кровей? Посмотри на его линии, на густую гриву, на тонкие и сильные ноги! А разве ты не обратил внимания, сколько разума таят его глаза?

В словах устата была такая сила убежденности, что Курбан против воли подумал: чем шайтан не шутит, может, и впрямь конь в прошлом – арабский скакун, только замороженный и заезженный прежними своими хозяевами?.. И ведь в самом деле в больших и печальных глазах коня тлеет некий загадочный огонь.

– Вот-вот, поразмысли над моими словами, сынок, – усмехнулся гость, словно угадав мысли кузнеца, и глотнул из пиалы остывшего зеленого чая. Чай, как всегда, заваривал Атагельды, научившийся этому искусству от покойной матери.

– Вот ты говоришь – воображение, – сказал Курбан. – А зачем оно мне? Нужно ли оно простому человеку?

– Воображение нужно всем, – веско произнес уstad. – Оно способно создать мир, реальный, как сама жизнь.

– По мне, лучше уж сама жизнь, как она есть, – возразил Курбан.

– А ты не подумал, что, как ты говоришь, сама жизнь есть не более, чем воображение? – улыбнулся седобородый.

Курбан не понял, однако переспрашивать не стал.

– Поясню свою мысль, – сказал гость и сделал еще глоток. – Хочешь, я изображу коня так, как видится он моему воображению? И ты поймешь, что оно реальнее самой жизни...

– Но как ты нарисуешь его?

– Слушай.

Гость резким движением отодвинул пиалу с недопитым чаем, едва не расплескав его. Лицо его внезапно побледнело, как показалось Курбану при холодном свете звезд. Он откинулся назад, словно изготавливаясь к прыжку, и, полузакрыв глаза, медленно произнес строки, которые слагал на ходу:

Не говори, что это конь, —
Скажи, что это сын.
Мой сын, мой порох, мой огонь
И свет моих седин!
Быстрее пули он летит,
Опережая взгляд,
И прах летит из-под копыт,
И в каждом – гром победный скрыт
И молнии горят.
Умерит он твою тоску,
Поймет твои дела,
Газель настигнет на скаку,
Опередит орла,
Гуляет смерчем по песку,
Как тень, нетерпелив,
Но чашу влаги на скаку
Ты выпьешь, не пролив.

– Ну, понял ты теперь, каков мой конь? – спросил гость после продолжительной паузы.

Ошеломленный кузнец в ответ мог только кивнуть. О многом они еще говорили, а потом, когда небо перед утром начало светлеть, словно покрываясь изморозью, и остались только самые яркие звезды, которые блистали, словно насечки, сделанные таинственным мастером на просторной, заброшенной ввысь кольчуге, Курбан спросил:

– Это все... Ты сочинил?

– Я.

– Как сумел ты?..

– Это моя профессия.

– Повтори слова!..

– Зачем? – скупно улыбнулся гость и бережно погладил свою бороду. Все равно слова забудешь ты. А мое имя... Что ж, оно растворено в этих строчках.

– Жаль мне тебя, – покачал головой кузнец. – На склоне лет, с таким талантом, лишенный имущества, изгнанный и одинокий, ты едешь умирать на чужбину. Ты словно лепесток, гонимый вихрем по степи.

Устад поднял руку.

– За добрые слова спасибо, – сказал он. – Но человек не может знать свой завтрашний день. Эмир наш капризен и непостоянен. Может, и на тебя, не приведи аллах, падет гнев его или его приближенных, и тебя тоже вышвырнет отсюда вихрь.

– Я человек маленький.

– Это не меняет дела.

Мог ли думать Курбан, что пророчество слагателя, об имени которого он потом уже, после его отъезда, начал догадываться, так скоро и так страшно исполнится!

Старик осторожно вздохнул, стараясь не расшевелить еще больше непроходящую боль в сердце, и снова потрогал в кармане маленький золотой кружочек. Так и не потратил его. Жаль. Теперь не доведется. Здесь, в пустыне, на него не купишь даже глотка воды. Он взял золото на зуб, полюбовался арабской вязью и сунул его обратно.

Атагельды проснулся, оба поднялись и побрели дальше. Едва они сделали несколько шагов, как песчаный холм позади с громким шумом рухнул, подняв целую тучу пыли.

Время от времени приостанавливаясь, Курбан долго и мучительно соображал: в каком направлении идти? Кругом, куда ни глянь, было одно и то же – однообразная пустыня, похожая на волны застывшей влаги, и над ней – выцветшее от жары небо, лишенное малейших признаков облаков.

– Дед, а чем ты все-таки разгневал эмира? – спросил Атагельды, и старик был рад неожиданному вопросу.

Слово за слово, и он рассказал, что произошло во дворе кузницы пять дней назад.

...Поздней ночью, когда Атагельды уже спал, в вечно распахнутые ветхие ворота въехали два пышно изукрашенных всадника. Один из них подъехал к навесу и ткнул рукояткой камчи Курбана, который прилег на ложе из веток, – его как раз схватил сердечный приступ.

– Вставай, лежебока! – сказал всадник.

– Что вам угодно, господин? – вежливо спросил кузнец, приподнимаясь.

– Коня подковать.

– Огонь уже погашен, господин, и разжигать его долго, – ответил старик, сдерживая стон. – Приходите завтра.

– Поднимайся и марш в кузницу, – повысил голос всадник. – И без разговоров!

Курбан покачал головой:

– Не могу, господин.

– Ах, не можешь? – крикнул всадник. – Так я помогу тебе! – И он вытянул Курбана камчой.

Острая боль обожгла плечо. «Хорошо, что мальчик спит в доме и ничего не слышит», – мелькнула мысль.

– Мы помощники эмира, и если ты сейчас же не отправишься в кузницу, жалкий червь, тебе не поздоровится, – с угрозой в голосе произнес второй всадник.

– Для меня неважно, кто вы, слуги эмира или последние попрошайки, – ответил с достоинством старик. – Если б мог, я бы выполнил работу сейчас. Но это невозможно.

Его ответ привел пришельцев в бешенство, и они в две нагайки принялись хлестать старика. Избив его до полусмерти, они удалились, присовокупив на прощанье, чтобы на рассвете он ждал серьезных неприятностей.

В ту же ночь Курбан и Атагельды бежали из города: старик знал, что с эмировыми слугами шутки плохи.

Старик поправил на плечах котомку и замолчал.

– Скажи, дед, разве ты не мог выполнить просьбу двух всадников? – спросил мальчик. – Разбудил бы меня, я бы горн помог разжечь, как всегда...

– Видишь ли, малыш... Я вольный мастер, а не раб эмира. И никогда не плясал под чью бы то ни было дудку.

Мальчик кивнул.

– А куда мы теперь идем? – спросил он.

– Там, за пустыней, мне говорили, есть место, где живут свободные люди, – указал старик вперед. – Там тень вдоль улиц, там журчат фонтаны и бегут полные арыки, там вдоволь воды, и там найдется работа для меня.

Я больше всего люблю слушать, как журчит вода, – задумчиво произнес Атагельды. – Скажи, а мы скоро придем? Пить хочется...

Курбан хотел сказать, что по рассказам знающих людей, которых немало перебывало в кузнице, туда трое суток пути, но вовремя осекся.

– Скоро. Потерпи, малыш, – только и сказал он.

Желтобрюхий варан прополз поодаль и исчез среди песчаных холмов. «Так и мы скоро оба исчезнем», – почти равнодушно подумал старик.

* * *

Когда тягостное ощущение, вызванное разбуханием, стало невыносимым, оболочка наконец лопнула, и зеленый росток неудержимо полез вверх, обжигаемый раскаленным песком. С влагой Зерен измучился: в окрестной почве ее не было, и воду приходилось буквально по молекуле вытаскивать снизу, из почвенных глубин. Хорошо хоть, что там она оказалась.

Упорный росток пробил слой песка и выглянул наружу. Нежная кожа его была вся во вмятинах от раскаленных песчинок, но росток обладал немалым запасом жизнестойкости. Кроме того, Зерен все время подпитывал его энергией, аккумулированной еще на материнской планете.

Росток проклюнулся на пологом склоне бархана, почти у самого его подножия. Он дерзко стоял, едва колеблемый горячим ветром, – единственное растение на многие километры вокруг.

Юркий тарбаган надумал подгрызть неведомый стебелек. Однако едва он приблизился, неведомая сила притормозила зверька, а когда он надумал преодолеть ее – чувствительный разряд пронзил все тело. Коротко пискнув, тарбаган юркнул в нору.

Шли дни, росток упрямо тянулся ввысь. Дождей эта планета – или, по крайней мере, данный участок ее – не ведала, но растение было неприхотливо и жизнестойко. Довольствуясь токами, которые давали глубоко ушедшие корни, да еще скудной росой, выпадавшей по ночам, оно росло и росло, утверждаясь на неласковой почве, под неласковым светилком.

Чем больше вытягивался росток, тем длиннее становилась и тень, отбрасываемая им. Вскоре показались и листья – плотные, со стреловидным окончанием, похожие на ладошки фикуса. На верхушке растения появилась крохотная завязь.

В один из рассветов неподалеку от одинокого растения показался еще один, совсем маленький росток, затем третий, четвертый...

Чувство удовлетворения от того, что первая задача Великого Посева выполнена, наполнила все естество Зерена.

Хорошо, что он с самого начала не пожалел универсальной энергии, хотя ее оставалось совсем немного, для того чтобы создать вокруг первого ростка защитное облако. В случае гибели первого ростка погиб бы и весь посев, погиб в самом начале, не успев как следует подняться.

Поначалу тень, отбрасываемая растениями, была хилой, представляла собой отдельные сиротливые полоски и пятна. Однако день ото дня они густели, все увереннее соединялись, сливались между собой. И настал день, когда неровный круг тени стал сплошным.

Наступил рассвет, начались пятые сутки пути.

Солнце, следуя извечным своим путем, начало быстро карабкаться к зениту.

Курбан и Атагельды медленно брели, оставляя за собой осыпавшиеся следы.

– Дедушка, я утомился. Песок, что ли, стал глубже? – сказал мальчик и вытер пот, заливающий глаза.

– Будь джигитом, Ата, как твой покойный отец, – ответил старый кузнец. – Нам недолго уже осталось.

– Хочу пить.

Вместо ответа Курбан молча достал флягу, отвинтил крышку, перевернул сосуд и потряс им: ни капли не упало на нагретый песок. После этого он отбросил флягу в сторону. Хорошая вещь, хивинской работы, с узорной росписью. Но фляга, увы, больше не понадобится. С глухим звуком сосуд шлепнулся в песок, полузарившись в него.

Без капли влаги в пустыне недолго протянешь. Мальчик блеснул глазами, но ничего не сказал, и они двинулись дальше.

Незаметно подкрался полдень, и каждый отвесный луч жалил, словно ядовитая гюрза.

Последний час Атагельды шел как будто в забытьи. В этом богом проклятом месте не было ни травинки, только солнце и песок, песок и солнце. Почему человек живет до обидного мало? Почему он вообще должен умереть?!

Увязая по колено в песке, мальчик догнал деда, шедшего немного впереди.

– Дедушка, а человек может быть бессмертным? – негромко спросил он, взяв Курбана за руку.

Кузнец, казалось, не удивился вопросу. Он пытливым взглядом посмотрел на Атагельды и, немного подумав, сказал:

– Человек может быть бессмертным. Я, во всяком случае, не вижу в этом ничего необычного.

– Почему же люди умирают?

– На то много причин. Например...

– Не нужно примеров! – живо перебил мальчик. – Ты лучше скажи, как стать бессмертным!

– Клянусь аллахом, хороший вопрос. – Улыбка пробежала по лицу старика. – Эх, учиться бы тебе, малыш! Да что теперь говорить...

– Ты не ответил, – напомнил Атагельды.

– Есть священные книги, в которых рассказывается о богах. Было это в древней стране, омываемой полуденным морем. Боги были прекрасны и могучи, и жили они вечно.

– Так то боги, – разочарованно протянул мальчик, – а я спрашиваю о людях.

– Не торопись, – произнес Курбан. – Дело, видишь ли, в том, что эти боги, согласно старинным легендам, по сути дела, ничем не отличались от людей. Ну, конечно, покрасивее, посильнее, а в остальном – те же люди. Но вот питались они по-особому, употребляли в пищу амброзию. Думаю, в этой пище и заключена тайна бессмертия.

– Наверно, амброзия – это просто ключевая вода, – вздохнул Атагельды.

Неожиданно старик пошатнулся и тяжело опустился на песок. Когда мальчик приподнял его голову, глаза Курбана были закрыты. Грудь вздымалась медленно, еле заметно. Атагельды опустился перед ним на колени, едва не вскрикнув от боли: _впечатление было такое, словно он стал на раскаленную сковородку.

– Дедушка, – тихонько позвал он, взяв Курбана за руку. Тяжелая рука, выскользнув, упала на песок.

Атагельды в отчаянии поднял глаза к небу, и оно показалось ему таким же шершавым и пересохшим от жажды, как его язык и небо, алчущие хотя бы глотка воды.

Мальчик нагреб кучу песка, положил деда повыше. Тот что-то пробормотал, не открывая глаз.

– Что? – переспросил Атагельды.

– Напейся... Напейся... – разобрал он только одно слово.

– Ты о чем, дедушка? – спросил мальчик, но Курбан молчал.

Тогда Атагельды решил докопаться до воды. Он принялся яростно копать песок. Тот утекал словно жидкость, сыпался сквозь пальцы, но это не останавливало мальчика. Он рыл и рыл, несмотря на то, что струйки песка стекали обратно в ямку. Но говорят же люди, что, если землю копать глубоко, обязательно доберешься до воды.

Вода, однако, не показывалась, даже песок не становился влажным. И проклятая жара нисколько не спадала. Пожалуй, было даже жарче, чем в дедовой кузнице, когда там всюду пылал горн. Песок набился под ногти, было больно, но он продолжал копать.

За упорство Атагельды был вознагражден. Через какое-то время песок пусть не стал влажным, но по крайней мере холодным. Ата набрал горсть его, с трудом вылез из углубления, подошел к Курбану и приложил к его лбу прохладный песок. Дед на несколько мгновений приоткрыл глаза, в которых мальчику почудилось осмысленное выражение, и снова закрыл их. Спекшиеся губы шевельнулись.

– Напейся... – снова услышал Атагельды.

– Я хотел вырыть колодец, – медленно, по слогам произнес Атагельды, приблизившись к уху Курбана, – но ничего не получилось. Водоносный слой, наверно, залегает слишком глубоко. Даже до влажного песка я не добрался, а только до холодного.

– Ножик... возьми в моей котомке ножик... – прохрипел через силу Курбан.

– Нож? – переспросил мальчик. Ему показалось, что он ослышался. – Зачем он мне?

– Пока я жив... надрежь мне вену... и напейся крови, – закончил старик.

– Не говори чепухи.

– Слушай меня. И сделай, как я говорю. Мне все равно не жить, с моим-то сердцем. А ты молодой, ты должен жить. Когда напьешься, возьми мою котомку. И еще... в кармане... золотой. И иди на северо-восток. Строго на северо-восток. Я, понимаешь, сбился. Потерял направление.

– Знаю.

– Выйдешь к людям – они не дадут тебе пропасть. Только не говори никому, что ты внук врага эмира.

– Я спасу тебя. Старик покачал головой:

– Пустое. Лучше не теряй время, ведь с каждой минутой ты слабеешь.

Атагельды схватил деда под мышки и поволок его. Едкий пот заливал глаза. Уже через несколько шагов он выдохся.

– Знаешь, дед, ты полежи спокойно, а я пойду на разведку. Может, хоть тарбагана промыслю. Или, чем шайтан не шутит, воду найду!

Атагельды и сам не верил своим словам. Но речь деда, его страшное предложение привели его в такой ужас, от которого было только одно лекарство – движение, действие, любые усилия, пусть до крайнего изнеможения – тем лучше! Отчаянье придало ему силы.

– Вот-вот, и я говорю: иди на разведку. Да не торопись возвращаться, – согласился Курбан. – Я тебя подожду.

Атагельды с подозрением посмотрел на него, но лицо деда было спокойным.

Одолев крутой хребет сыпучего бархана, Атагельды остановился, вытер тыльной стороной ладони глаза, всмотрелся в даль. Снова мираж, будь он неладен.

В дрожащем мареве высилась небольшая рощица тонких, странных растений. Больше всего его поразили бледные, необычной формы листья, отчетливо видные. Но что ему до их формы, главное, что они отбрасывали тень. И потом, раз растения, там должна быть и какая-нибудь вода. Однако ни водоема, ни даже самого завалиющего арыка Атагельды не разглядел, сколько ни всматривался. «До чего же убогий мираж явила мне в последний раз пустыня, – подумал он. – Видение, право, могло бы быть и побогаче». Может, он и не думал такими словами, но суть его размышлений была именно такова.

Он решил идти до тех пор, пока мираж рассеется, а там – будь что будет. Однако, странное дело, по мере продвижения мальчика видение не тускнело, не исчезало. Наоборот, становилось все более отчетливым.

Но понадобилось немало времени, прежде чем Атагельды убедился, что рощица существует на самом деле.

Удивительные растения! Прежде он никогда таких не видел. Самое высокое из них, стоящее в центре рощицы, было ему по плечо. Хотя ветра не было, все растения слабо покачивались, как будто связанные невидимой нитью. «Словно все они братья», – подумал Атагельды.

Казалось, растения приветствуют его.

Осторожно переступая, чтобы ненароком не задеть какой-нибудь из стеблей, он подошел к самому высокому растению. Листья, словно выделанные из бледно-зеленой кожи, были покрыты мельчайшими ворсинками. Стебель – вот уж совсем чудное, просто невысказанное дело – оказался полупрозрачным, словно это была струя застывшего стекла. Он долго смотрел на таинственные, крохотные, с булавочную головку, пузырьки, одни из них карабкались наверх, другие торопились вниз. Там же, в глубине стебля, внимательно взглядевшись, можно было различить тончайшие разноцветные нити – может быть, токи различных жидкостей?

Все это походило на чудо.

Позабыв обо всем на свете, Атагельды рассматривал странную карликовую рощицу, бог весть каким чудом возникшую в пустыне. Листья на вид казались сочными, мясистыми. Сорвать один, пожевать, – может, хоть немного утолит жажду? Он протянул руку к центральному стеблю, но она уперлась в невидимую преграду. Словно упругая пленка остановила ее движение. Что за чертовщина!

В полном недоумении он зачем-то огляделся. Все так же безмятежно сияло небо, шествовало своим путем солнце, вокруг, насколько хватало глаз, лежали изжелта-белые пески. И только вокруг него боязливо сгрудилась маленькая стайка ветвей неизвестного растения.

Он снова попытался протянуть руку к одному из листьев, и неведомая сила ее отбросила. Тогда Атагельды обратил внимание на чашечку, которой был увенчан самый высокий стебель. Чаша качнулась, и в ней что-то блеснуло. Влага... Неужели вода?! Пригубить бы, только пригубить.

Он осторожно, опасаясь подвоха, наклонился к чаше. Но ничто не воспрепятствовало этому движению. Казалось, растение почувствовало, что мальчик не собирается принести ему никакого вреда.

Да, в чашечке оказалась вода. Тепловатая, с каким-то сладким привкусом, но чистая. И было ее совсем немного – может быть, с четверть пиалушки.

Едва начав пить, Атагельды вспомнил про деда, оставшегося в песках, и с трудом оторвался от цветочной чаши. Как принести ему остатки воды? Посуды с собой не было. Фляжка, выброшенная Курбаном, осталась среди песков, теперь ее, наверно, не отыщешь.

Сгоряча он решил оторвать чашечку от верхушки растения, чтобы отнести ее деду. Однако, получив в протянутую руку чувствительный разряд, отказался от своей затеи.

Растение не только само по себе было странным, но и вело себя в высшей степени странно, словно строптивый жеребенок: оно то подпускало к себе Атагельды, то как бы отталкивало его.

Раздумывать, однако, было некогда. Ата стацил с головы выцветшую тюбетейку и не без опаски сделал шаг к стеблю, увенчанному чашечкой, полуприкрытой лепестками. Никакого противодействия, однако, на этот раз не последовало.

Атагельды осторожно, бережно раздвинул снова лепестки, окаймляющие чашу, и опустил туда тюбетейку, ожидая, пока она впитает влагу. Наконец тюбетейка намочка, жидкости оставалось на самом донце. Он допил ее и двинулся в обратный путь, сунув влажную тюбетейку за пазуху и моля бога об одном: чтобы она не высохла до того момента, как он доберется до Курбана.

Путь назад показался еще более тяжелым. Атагельды несколько раз оглядывался, словно боялся, что растения исчезнут. Но они оставались на месте, все так же покачиваясь в лад. Теперь они, казалось, провожали мальчика.

Мокрый ком тюбетейки приятно охлаждал грудь. Время от времени Атагельды совал руку за пазуху: нет, плотная ткань оставалась влажной.

Курбан был в том же положении, в котором его оставил мальчик. Глаза его были прикрыты, а грудь вздымалась так редко и слабо, что в первую минуту показалось – старый кузнец не дышит.

Атагельды стал на колени, потряс деда за плечо. Тот открыл глаза.

– Ты? Разве ты не ушел?

– Я ходил на разведку. Нашел местечко, где есть тень и немного воды...

Не дослушав, Курбан снова закрыл глаза. Зубы его были плотно сжаты, Атагельды никак не удавалось расщепить их. Тогда он достал из дедовой котомки нож и воспользовался им – маленьким стальным рычагом.

– Вену... режь вену... – пробормотал Курбан, на несколько мгновений открыв глаза.

Атагельды выдавил из тюбетейки в пересохшую щель рта несколько капель воды. Старик зачмокал, сделал судорожный глоток и посмотрел на мальчика.

– Сладкая? Где ты взял сладкую воду, Атагельды? Или, может быть, я брежу?..

Мальчик заботливо приложил ему ко лбу свою выжатую тюбетейку, все еще странным образом хранившую прохладу, и рассказал о путешествии, увенчавшемся находкой.

– Мне стало полегче, клянусь, – пробормотал старик и сел повыше. – Даже от сердца отлегло. Но послушай, тебе не померещилось все это? – посмотрел он недоверчиво на внука.

– А вода, по-твоему, откуда? – возразил Атагельды.

– Верно, верно, это вода, хотя и сладковатая, – согласился Курбан. – Будь это кровь, она была бы соленой... Но сколько на белом свете живу, о таких чудесах не слыхивал: одинокое растение среди пустыни сохраняет воду, да еще днем, в самый зной.

– Несколько растений.

– Все равно.

– Если ты не слыхал, это еще не значит, что такого не бывает. – Атагельды начал терять терпение.

– Ты прав, Ата, – согласился Курбан и, кряхтя, поднялся с земли, собрал свои скудные пожитки и добавил: – Ну, пошли, что ли. Показывай, где там твой рай земной.

Путь к растениям отыскать было нетрудно – песок еще не успел занести следы Атагельды.

Когда они добрались до цели, Курбан долго стоял перед купой одинаковых, только разного роста, растений, затем задумчиво произнес:

– И верно, Атагельды, это не мираж. Отродясь не видал таких растений. Одно небо ведает, каким ветром их сюда занесло. В тени мы сможем переждать полученные часы, отдохнуть, поднабраться сил, а потом...

– Смотри! – перебил его мальчик.

– Что?

– Вода!

Острый взгляд Атагельды углядел, как в чашечке самого высокого растения, обрамленной мохнатыми листьями, тускло блеснула жидкость. За то время, пока он отсутствовал, чаша успела наполниться снова...

На сей раз они утолили жажду. Живительная влага возродила силы, и даже жара, показавшись, пошла немного на убыль.

– Отдохнем здесь денек-другой, да и двинемся дальше, – произнес Курбан, когда они расположились в тени.

– Но ты ведь направление потерял!

Старик промолчал.

– И потом, без воды мы здесь не пропадем, а вот что есть будем? – продолжал Атагельды.

– Видишь, на этих растениях есть завязь, – сказал Курбан, показывая на небольшие зеленые шишки, расположенные кое-где у основания листьев. – Может быть, эти плоды съедобны?

Ата пожал плечами. Что там говорить, после того как он утолил жажду, есть захотелось невыносимо. Но боязно было отравиться неведомым плодом, о чем он и сказал деду: вдруг эти зеленые шишки действуют похлеще мухомора?

– Я и сам, голубчик, это понимаю, – уныло согласился Курбан и вздохнул.

Атагельды встревожился:

– Опять сердце?

– Нет, сердце меня совсем перестало беспокоить, – сказал старый кузнец и впервые за пять дней улыбнулся.

– Дедушка, а что мы завтра будем делать?

– Посмотрим. Утро вечера мудренее.

Они лежали под открытым небом, ничем не защищенные от пустыни, которая обступила их со всех сторон, жарко дыша. Зато звезды над ними были точь-в-точь такие, как над двором старой кузницы. Между ними тянулись ввысь хрупкие стебли, от которых, казалось, исходило дружественное спокойствие.

И ночь провели они спокойно, хотя издали доносился заунывный вой шакалов. Обоим добровольным изгнанникам чудилось, что какая-то добрая сила стережет их сон.

Назавтра Курбан и Атагельды нашли в себе силы соорудить силки, в которые попался жирный тарбаган, так что призрак голодной смерти от них отодвинулся.

– Мне нравится в этом оазисе, – объявил однажды Атагельды, когда они сидели в тени растений.

– Какой же это оазис, если нет ни водоема, ни арыка, – возразил дед.

– А чаша цветка? Пусть она не глубока, но все время наполняется влагой.

– Верно, от жажды не помрешь.

– Как ты думаешь, дед, что это за жидкость? По-моему, это не вода.

– А что же?

– Не знаю.

– Может быть, сок растения? – высказал предположение старый кузнец, прерывая долгую паузу. – Но какая нам разница? Только бы цветок не отказался нас поить!

Силки, на которые было затрачено столько усилий, подвели: на следующий день они были пусты, несмотря на хорошую приманку, оставленную Атагельды. Всякая живность по непонятной причине старательно обходила западню. И новый день не принес никаких изменений.

Употреблять в пищу завязь растений дед и внук не рискнули.

Зелень росла быстро, не по дням, а по часам. Если поначалу самое высокое растение, возвышавшееся в центре маленькой зеленой колонии, едва достигало плеча Атагельды, то теперь они сравнялись в росте. Прежде мальчику приходилось немного нагибаться, чтобы достать влагу из чаши цветка, а теперь он, наоборот, пригибал чашу ко рту. Сначала он делал это с опаской, но сторонняя сила ни разу его не отталкивала. Уж не пригрезилась ли она Атагельды?

Итак, силки пустовали, голод заставил их снова потуже затянуть пояса, и однажды мальчик сказал:

– Мы уже отдохнули. Пора в путь.

И Курбану скрепя сердце пришлось с ним согласиться. Однако их выход из маленького оазиса оказался непродолжительным и едва не окончился трагически.

Растения еще не успели скрыться из вида, как что-то в воздухе неуловимо изменилось. Началось с того, что тело Курбана и Атагельды начало легко покалывать, словно тысячью иголок. Покалывание перешло в нестерпимый зуд. Оба яростно почесывались, хотя никаких видимых причин для этого не было. Расчески оставляли на теле следы, но зуд не проходил.

Впрочем, по мере удаления от оазиса зуд начал слабеть, но тут случилась новая напасть: поднялся ветер, которого дотоле не было и в помине. С минуты на минуту он усиливался, что при открытых песчаных пространствах предвещало большие неприятности.

– Что будем делать, дедушка? – спросил Атагельды, остановившись.

Песчинки больно секли лицо, в воздухе стоял тонкий звук, вызванный трением мириадов песчинок друг от друга.

Прежде чем ответить, Курбан внимательно оглядел небо, которое оставалось безмятежным. Старик, честно говоря, недоумевал: резкий ветер поставил его в тупик.

– Будет самум? – с тревогой спросил Атагельды. Курбан пожал плечами.

– Видишь ли, малыш, самуму должны предшествовать определенные изменения на небе, – произнес он. – Они еле заметны порой, но я хорошо изучил их за долгую жизнь. А сейчас, видишь? – показал он рукой вверх. – Нет даже легчайшего облачного налета, небо чистое. Или мои глаза обманывают меня...

– Нет, в небе ни облачка, – подтвердил Атагельды, запрокинувший голову.

– Я не могу понять, откуда взялся этот ветер, – признался старик. – Мне кажется, это какой-то шальной вихрь, он должен убраться.

Действительность, однако, не подтверждала столь оптимистического вывода: ветер с каждой минутой усиливался.

– Если ветер закружит, поднимет вихри, нам придется несладко, – покачала головой Курбан.

К счастью, ветер пока дул в одном направлении – бил в лицо. Он достиг определенной силы и, похоже, слабеть не собирался.

Они стали спиной к ветру и, пока совещались, вокруг каждого успел образоваться песчаный холмик.

– Идти дальше опасно, – решил Курбан. – Нужно возвращаться, пока не поздно.

Несколько шагов они сделали в молчании.

Ветер дул в спину, идти стало легче, но все равно из-за вездесущих песчинок не то что переговариваться – даже дышать было трудно. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась однообразная пустыня, заштрихованная косыми траекториями песчинок.

- Послушай, а мы правильно идем? – спросил внезапно обеспокоенный Курбан.
- Ищи наши следы, только и всего, – откликнулся беспечно Атагельды.
- Наши следы давно занесло.
- Ну и что! – воскликнул мальчик. – У нас остался еще один хороший ориентир.
- Что ты имеешь в виду?
- Ветер! Он ведь как поднялся, так и не менял направление, – сказал Атагельды.
- Ты уверен?
- Конечно. Он дул нам все время в лицо, словно хотел заставить, чтобы мы вернулись

в оазис.

– А ты молодец, дружок. Головка работает, – похвалил старый кузнец. – Я и сам бы до этого додумался, только подрастерялся малость, – добавил он.

Шло время, но растения оазиса не показывались. Курбан уже забеспокоился, когда они оба почти одновременно увидели светло-зеленые верхушки, едва выглядывающие из песчаных холмов. Ветер к этому времени утих – так же внезапно, как начался.

– Беда, да и только, – поцокал языком Курбан, разглядывая занесенный песком оазис. – Попробуем раскопать...

– Дед, посмотри, они сражались с песком! – воскликнул Атагельды, указывая на растения.

В самом деле, каждое растение находилось в углублении, окруженное песчаным барьером. Песок пятался, словно отбрасываемый растением. Дед с внуком решили помочь странным растениям. Трудились долго, поскольку растений было с десятков, не меньше.

– Отдохнем немного, – предложил Курбан.

– Сердце?

– Нет, сердце эти дни меня не беспокоит. Просто устал я немного...

– Потерпи, дедушка. Давай сначала освободим от песка все растения, потом будем отдыхать. А то они могут задохнуться.

– Задохнуться? – удивился Курбан. – С чего ты взял?

– Мне так кажется, – уклончиво ответил Атагельды, снова принимаясь за работу. Не мог же он, в самом деле, сказать деду о смутном видении, мелькнувшем в его мозгу? Расплывчатый образ существа, которое задыхается от удушья...

Наконец работа была закончена. Маленький оазис был очищен от песка. Растения, как и прежде, едва колебались в лад, хотя вокруг царило полное безветрие. Чашечка, совсем небольшая, появилась на верхушке еще одного растения. А завязь под листьями, сулящая плоды, стала вроде покрупнее, – или это им только показалось?

– Это – твоя, – указал на вторую чашечку Курбан, а сам направился к первой.

...Атагельды совсем не удивился, когда обнаружил под плотными, кожистыми лепестками сладковатую, прохладную жидкость. Он выпил ее всю, отчего сразу прибавилось сил.

После этого происшествия Атагельды с Курбаном ни разу не пытались покинуть оазис.

Когда плоды созрели, они решились их отведать и не пожалели: плоды оказались сочными и на удивление сытными. Правда, вкус их был непривычен, но выбирать не приходилось. Определить, что это за плоды, старый Курбан не мог: встречать такие ему прежде не доводилось.

С появлением второй чаши влаги им хватало, оставалось даже на чай. Запасливый Курбан всегда держал во фляге небольшой запас, он собирал туда воду, которую они не успели выпить за день. Стоило цветочную чашу опорожнить, как она через некоторое время снова наполнялась.

* * *

«...Наконец-то удалось пробить слой песка, и росток начал тянуться ввысь. Когда он достиг необходимой высоты, я смог приступить к круговым наблюдениям.

Картина безотрадная. Во всем поле зрения – всхолмленная песчаная пустыня. Таким образом, беглые наблюдения, сделанные мной во время свободного падения, подтвердились, к сожалению.

Неужели вся планета лишена жизни? Неужели не ведает она ни растений, ни животных? Похоже, что так, и соображения наших ученых не подтвердились.

Если так, то космическая судьба предоставила мне удивительный шанс – будучи в единственном числе, без собратьев, попытаться озеленить целую планету. Сумею ли? Во всяком случае, обязан попытаться.

Жаль только, что модифицировать растения – вне моих возможностей. Что ж, пусть лучше покрывают пустыню растения одного вида, чем останется пустыня, лишенная каких бы то ни было растений».

«Песчаный слой толст. С величайшим трудом корень, пробивая почву, добрался наконец до водоносного слоя.

– Зерен, – донесся до меня сигнал, посланный корнем. – Можешь прекратить синтез молекул воды, необходимый для твоего питания, и готовься получать жидкость, рождаемую почвой этой планеты.

Произвел экспресс-анализ, жидкость оказалась богатой на удивительные соли и соединения. Странно, что при такой почвенной воде на планете нет зелени. Может, была, но песок уничтожил ее? Не буду, впрочем, торопиться с поспешными выводами: тот, кто совершает Великий Посев, делать этого не должен.

...Сегодня великий день. Радостный и одновременно тревожный. Радостный – потому что я впервые обнаружил в окрестности живое существо. На всякий случай зафиксирую в памяти информацию. Обладает оно четырьмя конечностями. Передвигается на двух задних, и довольно неуклюже.

Долгое время не мог понять, обладает ли оно хотя бы начатками разума или действует, подчиняясь только инстинктам.

При виде растений существо выразило удивление: лишнее подтверждение тому, что планета лишена растительного царства.

Сразу установил односторонний биоконтакт, чтобы вызнать намерения существа. Оно двинулось ко мне с желанием сорвать лист, что могло бы повредить стебель, еще неокрепший. Пришлось наскоро выбросить защитное силовое поле. Существо удалось отпугнуть.

Существо в испуге отступило, и в этот момент мне стало ясно, что оно сильно страдает от жажды. Я сильнее покачнул чашей цветка. Существо, видимо опасаясь подвоха, снова боязливо приблизилось. Я рассеял силовое поле и постарался передать об этом мыслеграмму существу. Не знаю, дошла ли она, но существо наклонилось к чаше и, раздвинув лепестки, начало пить. Не допив, подняло голову.

Дальнейшие его действия отличались загадочностью. Сначала оно решило было оторвать чашечку от стебля – ту самую чашу, которая напоила его, спасла от смертельной жажды! Ясно, что оно было лишено разума. Я едва успел включить защитный разряд. Получив чувствительный удар в переднюю конечность, существо отпрянуло. А затем повело себя еще более загадочно. Отделило от головы некую оболочку – я так и не разобрался, естественное это покрытие или нет, – и погрузило ее в чашу цветка, где на донце оставалось еще немного влаги.

Поскольку действия существа на этот раз были осторожны, а движения бережны, я рискнул и снял защиту.

Когда оболочка набухла, существо спрятало ее у себя на груди и удалилось.

Когда существо исчезло из зоны видимости, я попытался привести в порядок только что полученную информацию. К моей радости, вызванной тем, что на планете обнаружилось живое существо, прибавилась тревога за собственную безопасность. Ведь убежать, как и вообще передвигаться, я не могу. Все время держать включенным защитное поле тоже невозможно – запасов энергии не хватит. Если здесь есть живые существа, они могут повредить центральный ствол, и тогда вся зеленая колония погибнет.

Пока я размышлял, передо мной снова появилось прежнее существо, а с ним еще одно. Оно было той же породы, но гораздо старше – я понял это с первого взгляда.

Есть мои плоды они побоялись, да, честно говоря, они к тому времени еще не созрели. Так или иначе, жажду они утолили, а потом устроились на ночлег прямо посреди колонии. Мое биополе подействовало на них благотворно, и они быстро уснули.

По неровному дыханию и другим признакам я понял, что у старика больное сердце. Микроэлементы, растворенные в нектаре, должны были ему помочь, возможно, не сразу.

А пока я занялся изучением биологической природы этих двух существ. Тело их было покрыто оболочкой, похоже, искусственного происхождения. Это признак разума или хотя бы его начатков. В пользу этой точки зрения говорило и то, что у них имелись примитивные орудия: сосуд для жидкости и еще одна вещь, о которой скажу позже.

Сосуд был достаточно сложный, с завинчивающейся крышкой, создающей герметичность. Но главное – мне показалось, что сосуд украшен письменами. Если это так, то существа в умственном отношении стоят гораздо выше, чем я предположил поначалу. Впрочем, возможно, что сосуд это принадлежит другой расе, а они его нашли на стороне, не имея к письменам ни малейшего отношения: такие случаи, я знаю, бывали на других планетах. Так или иначе, в этом предстояло разобраться.

Вторая вещь, которая у них находилась, вызвала мое беспокойство. Она представляла собой узкую стальную полосу, с одной стороны остро заточенную. Полоса была для удобства снабжена рукояткой, и оба существа довольно ловко пользовались этим орудием.

Один удар такой полоски может погубить центральный стебель, а с ним и всю колонию».

«Пытаюсь воздействовать внушением, однако пока в биоконтакт удалось вступить только с более молодым индивидом».

«...Существа – разумны, другое дело – какой ступени их разум. Обмениваются акустическими сигналами. Зовут друг друга сложными именами, пока не могу их воспроизвести.

Тела их в значительной степени состоят из жидкости, вода – основа жизненной активности. Двух цветочных чаш для них хватает, поэтому новых не выбрасываю».

«Немало усилий пришлось затратить, чтобы раздобыть для них из почвы оптимальное количество жидкости. Пришлось расширить корневую систему. Это, впрочем, все равно необходимо для предстоящего расширения колонии».

* * *

Прошел месяц жизни в оазисе.

За это время колония стеблей приметно разрослась. Стебли один за другим вылезали из-под песчаного покрова в каком-то им одним ведомом порядке. И тут же начинали тянуться ввысь под жарким солнцем пустыни.

Издали рошица напоминала светло-зеленую пирамиду. В центре – самый высокий и толстый стебель, а вокруг него концентрическими кругами располагались остальные, постепенно понижаясь до самых маленьких, которые только вчера вылупились из песка.

Высота центрального стебля перевалила за два метра, и он продолжал расти. Теперь, чтобы напиться либо набрать во флягу жидкости, Курбану приходилось нагибать полупрозрачный стебель. Тот гнулся, но не ломался.

Листва, сплетаясь, давала густую тень, днем, в жару, это было настоящее спасение. Да и ночью отдыхать в ней было неплохо – едва войдешь, раздвигая руками стебли, и сразу тебя охватит чувство уверенности и покоя.

– Может, это порода бамбука такая? – сказал однажды Атагельды, в который раз рассматривая заматеревший ствол главного стебля.

Старик потрогал пальцем сочленение.

– Никогда не встречал бамбука, прозрачного, как стекло, – покачала он головой.

Там, под кожистой оболочкой, шла, как всегда, чужая, непонятная жизнь: торопились, обгоняя друг друга, разноцветные пузырьки воздуха, сталкивались, сливались, тянулись бесконечные нити...

Вдвоем они с трудом наклонили ствол, после чего поочередно напились из чаши.

– Словно амброзии отведал, – сказал Курбан, вытирая ладонью губы.

– Это той, что бессмертие богам давала? – откликнулся Атагельды.

– Не знаю, как там насчет бессмертия, – хитро сощурился старый кузнец, – но от этой водички я чувствую себя лучше, это точно.

Как-то они пролили немного жидкости из чаши на песок. Жидкость долго не впитывалась в почву, несколько дней лежала темным бархатистым пятном. Курбан трогал его пальцем, что-то бормоча, пока пятно не просохло.

Странными были не только полупрозрачные стволы, но и листья – плотные, кожистые, похожие на добрые лапы неведомого чудовища. Памятуя давний опыт, Атагельды не пытался их обрывать. Но однажды, проснувшись утром, он обнаружил под ногами опавший лист. Слегка пожелтевший, с выступившими синими прожилками, он казался еще крупнее, чем на стебле.

Подожел Курбан, и они вдвоем несколько минут разглядывали это маленькое чудо.

– Поверхность словно кожа, – заметил Атагельды, поглаживая лист.

– Никакой мастер так кожу не выделает, – покачал головой Курбан.

Потом, когда листьев опало достаточно, они соорудили из них хижину. Теперь было где ночью укрыться от холода.

* * *

«Обнаружил и еще живые существа – небольшие, юркие, четвероногие, покрытые шерстью».

«Разумных, однако, только два. Они соорудили из опавших листьев временное жилище, используя в качестве каркаса несколько молодых моих побегов. Признаюсь, я опасался, что они повредят их, но существа с честью выдержали эту проверку на разумность».

«С некоторых пор одна мысль не дает мне покоя: неужели, кроме этих двоих, на планете больше нет разумных существ? Ответить на этот вопрос непросто, ведь я лишен возможности передвигаться. Потому остается только одно: изучить как можно глубже две данные особи, вникнуть в их образ жизни, распознать акустические сигналы, которыми они регулярно обмениваются. Не исключено, что это речь, состоящая из множества слов».

Нетрудно представить мое отчаяние, когда оба существа вдруг надумали покинуть оазис!

Не знаю, разумеется, какая цель их влекла, но мне пришлось приложить все усилия, чтобы возвратить их. На их пути я создал перепад потенциалов, который вызвал сильный встречный ветер.

Они возвратились, но и я едва не погиб: ветер намел вокруг колонии такую гору песка, что я едва не задохнулся. Но тут они оба пришли мне на помощь, разбросав песчаные барьеры.

Начал различать отдельные звуки-слова, но смысл многих из них для меня пока неясен...»

* * *

Однажды, выйдя на край оазиса, Курбан заметил на горизонте небольшое облачко. Оно возникло вдали, на стороне, противоположной той, с которой они пришли.

Курбан долго вглядывался, затем позвал Атагельды.

– Посмотри, что это, у тебя глаза молодые.

– Может, песчаная буря начинается? – высказал предположение мальчик. – Нужно стены хижины укрепить.

– На бурю не похоже, – покачал головой старик. – Видишь, верхушки барханов не дымятся. Да и ветра совсем нет.

– Мираж?

– И на мираж не похоже.

– Значит, просто туча пыли.

– Точно. Караван движется.

– В нашу сторону? – хлопнул в ладоши Атагельды.

– В нашу, малыш, – кивнул Курбан, но радости в его голосе не было.

Через некоторое время показался небольшой караван, который двигался в сторону оазиса. Пожалуй, караван – слишком громко сказано. Несколько полудохлых верблюдов еле плелись, понукаемые худыми, оборванными людьми. Даже вид зеленого оазиса не зажег в их глазах особой радости.

Кто бы это мог быть? Купцы? Не похоже. Уж слишком тощие хурджины покоятся на верблюжьих боках. Да и в людях не чувствуется купеческой степенности.

Впереди каравана шел горбоносый человек с потемневшим лицом. Он волочил за собой по песку бич. Скользнув безразличным взглядом по Курбану и Атагельды, вышедшим на край оазиса, он крикнул гортанным голосом:

– Привал! – и щелкнул бичом, подняв продолговатое облачко песка.

Видно, его привыкли слушаться. Дети, изнуренные долгим путем, сбились в кучу, ожидая дальнейших приказаний. Погонщики остались подле животных.

– Груз снимать, Ахметхан? – почтительно обратился к нему старик, держащий в поводу усталого коня.

– Снимайте! – решил Ахметхан. – Мы здесь остановимся. Тут есть тень, а значит, должна быть и вода.

Только теперь он обратил внимание на Курбана и Атагельды и, все так же волоча бич, приблизился к ним.

– Откуда в пустыне бамбук? – спросил он. – Это вы его вырастили?

– Это вовсе не... – начал Курбан, но Атагельды перебил его:

– А ты видел, Ахметхан, на бамбуке такие листья? – И он поднял с песка пожелтевшее кожистое чудо с синими прожилками.

Горбоносый перевел тяжелый взгляд на мальчика, затем взял лист и долго рассматривал его, вертя так и этак.

– Из такого материала впору сапоги для эмира тачать, – заметил он.

– Мы из этих листьев хижину собрали, – вступил в разговор Курбан.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что караван Ахметхана держал путь как раз из того места, куда мечтал добраться старый кузнец. И там так же худо, как в городе, который они с Атагельды покинули.

Освоившись, дети с визгом носились по песку, взрослые приводили в порядок поклажу. Все запасы воды, которые удалось накопить Атагельды и Курбану, были уничтожены, так же как и запасы созревших плодов.

Вертлявый мальчишка с перевязанной щекой подбежал к центральному стеблю и тут же с визгом отскочил от него.

– Анартай! – прикрикнул на сына горбоносый. – Занимайся делом.

– Отец, оно дерется! – заверещал Анартай.

– А я еще добавлю, – проворчал Ахметхан, не вникнув в суть дела.

Вечер скоротали у костра, в который пошли пересохшие листья.

– Жалко жечь такое добро, – вздохнул старик, разглядывая лист, корчащийся в огне.

Листья давали ровное и жаркое пламя, они горели лучше любых дров. Синие прожилки, расплавляясь, превращались в ослепительно сверкающие голубые шарики, похожие на драгоценные камни. От них летели во все стороны веселые стрелки огня.

– Сделать бы ожерелье из таких камней, – произнесла женщина, которая не отрываясь глядела на огонь.

Анартай захохотал:

– Шею сожжешь!

Сидя на отшибе, он разматывал повязку. Курбан глянул и ужаснулся: щеку мальчика обезображивала ужасная язва. Кузнец переглянулся с Атагельды. «Неужели проказа?» – подумал Курбан, инстинктивно отодвигаясь от Анартая. Тот беспечно подбросил несколько листьев в огонь, затем снова замотал щеку.

Старик, ехавший в караване на коне, стреножил его, предварительно покормив остатками овса. Конь, подбрасывая ноги, приблизился к хозяину и остановился позади него, фыркая и косясь на огонь умным глазом.

Конь вызвал общее оживление. Посыпались реплики, смысл которых был в том, что конь для старика – самое близкое и родное существо. Старик отбивался как мог, жалко улыбаясь, а когда наступило затишье, Курбан негромко произнес:

Не говори, что это конь, —

Скажи, что это сын.

Мой сын, мой порох, мой огонь

И свет моих седин...

– Чьи это слова? – воскликнул старик, едва Курбан умолк. – Я их не слышал.

– Эти строки сочинил один мой знакомый, – осторожно ответил Курбан.

– Кто, скажи?

– Я забыл его имя.

– Боже мой, такие стихи может сочинить только единственный человек в подлунном мире, – как бы про себя произнес старик, покачивая головой. – Я все его газели знаю наизусть. И всю жизнь мечтал хоть одним глазком поглядеть на него. Да, видно, не судьба.

Курбан, глядя на старика, хотел что-то сказать, но сдержался.

Огонь догорел, и только синие угольки нездешне светились в серой золе.

– Поздно, – сказал караванбаши и резко поднялся. – Сейчас всем спать. Завтра с утра будем складывать хижины. Вот такие, как у них, – кивнул он на Курбана и Атагельды.

Прибывшие с караваном уснули быстро. Легли они как попало, накрывшись тряпьем. «Словно трупы», – подумал Курбан и сам ужаснулся своему сравнению. Атагельды шел с ним рядом, словно во сне. В голове теснились непонятные образы. Зерно набухало в почве и лопалось, давая росток. Какое-то устройство летело в черном пространстве и вдруг жарко вспыхивало, распадаясь на части.

Идя рядом с дедом, мальчик почувствовал, что неведомая сила пытается взять в полон его сознание. Но он усилием воли сумел отторгнуть ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.